

— **1 октября.** К 9.00 пошли в Бабельсберг. Смотрели только витрины снаружи, не заходя в магазины дабы не терять зря времени. Юра купил куртку. В 10.00 уже были в институте. Выступал на общем семинаре всего вагнеровского отдела с 10 до 16 с перерывом с 12 до 13. После обеда семинар, к счастью, продолжался за теннисным столом с кофе. Иначе бы я пяти часов говорильни стоя не выдержал. И так охрип. Рассказывал про моделирование бурь и суббурь, то есть результаты наших работ с Лёней Захаровым и Смертиным. Вечером опять в магазины. Ничего не купил. Глаза разбегаются, заказов много, а денег мало. Вот и мучаемся. Завтра едем с Бестами в Берлин.

2 октября. В 9.00 за нами заехали Бесты на своём "Вартбурге" (50 л.с., 10 литров на километр, 19.000 марок, 1 литр = 1.50 марок). Адольф Бест - чуть ли не вдвое выше своей жены Ингрид, сухощав, приветлив, под пятьдесят лет, у них уже взрослые дети. Привезли нам из Немека жвачку-шарики для детей и Юре ещё заказанных им индейцев для Алёшки.

Поехали в Берлин. День опять чудесный. Бабье лето. По дороге Адольф указывал на машины с западноберлинскими номерами, встречаются довольно часто. Западноберлинцам сравнительно просто выехать в ГДР к родственникам или даже просто так, а вот к ним попасть - гораздо сложнее. Уже в Берлине долго ехали вдоль знаменитой стены, разделяющей Западный и Восточный Берлин. Стена действительно могучая, бетонная, высотой больше трёх метров. Адольф говорит, что за ней ещё одна, из колючей проволоки.

Вдоль Берлинской стены

— В Берлин приехали в 10.00. Осмотрели центр, начав с Брандербургских ворот. На самих воротах - флаг ГДР. В обе стороны от ворот - стена, справа за ней - здание рейхстага, без купола, его так и не восстановили, на крыше развевается флаг ФРГ не взирая на особый статус Западного Берлина. Сфотографировал эту панораму.

Брандербургские ворота, стена и рейхстаг

— Затем "Пергамон-Музеум". Огромное здание специально построено для демонстрации шедевров древней архитектуры. Алтарь Зевса из Пергама, облицовка стен Вавилонских - произвело более сильное впечатление чем Дрезденская галерея, там всё напоминает Эрмитаж, а эдакую громадность увидели в первый раз. Затем книжный магазин, где наткнулись на Ирину Роднину (наверное, самая яркая звезда фигурного катания нашего времени). Универмаг. Ещё больше, чем в Дрездене. И тут полно соотечественников. Метро. Попроще, чем в Москве. Пожалуй, так и надо. В давке не до мраморных красот.

Берлин, сентябрь 1979 г.

Обед в ресторане "Варшава". 30 марок на четверых без спиртного с пивом (кроме Адольфа) - это дешево. Качество блюд высокое.

Магазины. Толпа борется за вельветовые брюки. Совсем как у нас. Дамские сапоги - 260-290 марок. Узкие, страшно покупать.

Телебашня. Смотровой этаж. Панорама обоих Берлинов. Стена видна и отсюда. С телебашни послал дяде Вове в Сестрорецк открытку в конверте со спецгашением. Опять магазины. Увидел женский плащ для Сашули на витрине, понравился. Ингрид померила, купил. Спасибо Бестам. За что им-то наказание - по магазинам с нами мотаться? Подарил Адольфу нашу "пятёрку" - он собирается вскоре в Ашхабад.

Вид с телебашни на Восточный Берлин

3 октября. С 9.30 до 16.00 в институте. Работали очень плотно. Сначала вопросы-ответы по программам. Потом обсуждение ионосферного провала и наших работ с Клименко. Потом Вагнер рассказал об их результатах, полученных на спутнике "Интеркосмос", а также о результатах проведённой ими обработки данных американских спутников.

С 16.30 до 17.30 бегали по магазинам в Бабельсберге. В 18.15 за нами заехал Вагнер на своём новом "Трабанте" (новую машину в ГДР можно купить не раньше чем через десять лет после покупки предыдущей) - драндулете вроде "Запорожца", но побольше размерами. С ним была Гудрун. Поехали в театр в Новый Дворец Сан-Суси. В программе был Моцарт, "Фигаро", но заболел солист и давали концерт из кусков "Дон Жуана" и "Фигаро". Исполнение хорошее, понравилось, но ещё больше понравился сам театр. Маленький зал: партер 8 рядов, бельэтаж, балкон. Очень уютно, отовсюду видно и слышно очень хорошо, эффект присутствия в полной мере. В антракте пьют вино в фойе и очень многие курят, включая дам, и отнюдь не в специально отведённых для этого местах - повсюду пепельницы. Это меня удивило. В ГДР вообще я видел мало курящих. На улице не принято, но и в институте кроме меня никто не курил, и я мучился с окурками - нигде ни пепельниц, ни урн, а чистота такая, что хоть суй в карман окурки, что и приходилось иногда делать. Курил я, как обычно, напропалую при всех наших обсуждениях, и немцы деликатно не обращали на это внимания. В театре же я впервые увидел толпу курящих.

А у Коренькова ещё во время поездки в Берлин разболелась нога, на икре созрел огромный фурункул или карбункул и он еле ходил. Никогда этой заразы у него не было, и вот выскочила в самый неподходящий момент. Я знал (от тёщи и от бабушки Фени) одно надёжное вытягивающее средство, испробованное на себе, - надо приложить тряпочку, пропитанную мочой к вскрытому фурункулу и забинтовать. Но как его вскрыть? Давить бесполезно, видно, что глубоко сидит, не выдавишь. Надо резать. Я предложил Коренькову свои услуги, и он согласился.

— Придя домой из театра, я наточил об камень подоконник наш хозяйственный нож, прокалил его на огне и приступил к операции. Кореньков улёгся на диване, я сел ему верхом на ногу.

— Только резину не тяни, действуй решительно, - попросил Юра. Я пообещал и решительно произвёл разрез. Хлынула кровь, но гноя вышло меньше, чем мы ожидали. Юра намочил тряпочку, и мы прибинтовали её к ране.

— **4 октября.** На работе были до 12.00. Юра хромал, нога по-прежнему болела. Естественно, это заметили, стали спрашивать, что и как. Мы рассказали про вчерашнюю "операцию". Все заахали, заохали и уговорили Юру обратиться всё же к врачу, прямо здесь в институте, который должен был появиться в 13.30. Юра остался ждать врача, а я отправился варить ногу, которую мы привезли с собой, точнее, кость, которая от неё осталась, вместе с гороховым супом из пакета. Навар удался на славу. Пообедал, пошёл на обход магазинов. Набрёл на "Охотмагазин" нашего отечественного Военторга, рядом с в/ч Советской Армии. Сервис родной, ненавязчивый, русский мужик обслуживает, не церемонится. Дал всё же телескопическую удочку в руках подержать. Тяжёлая. И дорогая. Купил набор симпатичных поплавок.

— С Юрой мы договорились встретиться в условленном месте в 16 часов. Ждал его целый час, но он не пришёл. Домой вернулся в 19.00. Юры дома нет. Заволновался, собрался идти звонить Вагнеру, но тут как раз явился Матиас. Сообщил, что Юру забрали в больницу на операцию, что я и подозревал.

— До 22.00 пили с Матиасом пиво и болтали о жизни. О немецком характере, конформизме, мещанстве, христианстве, русском характере, Томасе Манне, Солженицыне. Говорил-то больше я, а Матиас только "поддерживал" беседу и задавал вопросы, так что его образ мышления я так и не смог выяснить, интерес же к моим высказываниям у него был явный. (Позже от Гудрун я узнал, что Матиас - добрый, порядочный малый, но правверный коммунист.)

5 октября. В 9.30 в институте. Позвонили в больницу, узнали, что Юре сделали операцию под общим наркозом, самочувствие нормальное, выпустят не раньше завтрашнего дня, то есть субботы, а в воскресенье мы уезжаем. Работали с кофейком до 12.00. Затем прощальный брэнди, обмен любезностями, разговоры о сотрудничестве. Я оставил в фонд института бутылку русской водки и пару пачек "Явы".

После обеда с Гудрун и Матиасом отправились в больницу к Юре. Нас пустили прямо в палату к нему. Принесли пиво, печенье, яблоки, груши, цветы. Кореньков рассказал, что ему вырезали огромный кусок мяса из ноги - какой-то внутренний карбункул. Мой ножичек только сверху чуть прошёлся. Чувствовал себя Юра хорошо и беспокоило его только наличие нерастроченных денег, почти половина всей суммы у него была ещё цела, всё боялся прогадать и откладывал на последние дни. Вот и дооткладывался.

У Коренькова в больнице

— Мы взяли у него список заказов, деньги и пошли их отоваривать. С Гудрун у нас дела пошли значительно быстрее, чем когда мы мотались по магазинам вдвоём с Кореньковым. Лихо закупили трусики, пояса, бюстгальтеры жёнам, родственницам и знакомым дамам. Нине Кореньковой купили вельветовый костюм, и это существенно облегчило нашу участь, так как сразу ушла большая часть кореньковских денег. Ходили с Гудрун по магазинам до 17.00. Затем разошлись, чтобы встретиться через 2 часа: Гудрун пригласила меня к себе в гости. Я отправился сначала домой - забросить накупленные товары. Потом пошёл в гастроном - сдавать бутылки, накопившиеся у нас с Кореньковым, в основном из-под пива. Процедура сдачи бутылок мне очень понравилась. Ставишь бутылки на тележку, провозишь их мимо кассы, где с тобой рассчитываются, прямо в склад, где сам расставляешь их по соответствующим ящикам. Никакой очереди, пять минут на всё дело. В Калининграде этому я посвящаю полдня, а то и больше. "Пункт закрыт - перегружен", "Нет тары", "Бутылки по 0,7 л не принимаем" - из года в год одни и те же проблемы несмотря на принимаемые постановления.

В 18.00 поехал к Гудрун в Бабельсберг. Пятиэтажка, похожая на ту, в которой поселили нас. Лестничные площадки - как у нас в Союзе прихожие в квартирах: обувь выставлена, одежда верхняя висит. Гудрун с мужем и двумя детьми живут в четырёхкомнатной квартире общей площадью 75 кв. метров. По-немецки чисто, уютно, комфортабельно.

— Очень симпатичные дочери: Зильвия - 9 лет и Клаудиа - 5 лет. Очень общительные, жизнерадостные и в то же время благовоспитанные. И никакой чопорности. Благовоспитанность сочетается с живостью, приветливостью, бойкостью, весёлостью. Это сочетание показалось мне вообще характерным для немецких детей. Младшая требовала её подбрасывать, обе демонстрировали мне шпагат, обучали меня немецкому языку.

— На ужин было подано: раухшвайнефляйш (свинина горячего копчения по-домашнему), салат из помидор, гренки, портер. За столом младшую заставляли резать мясо ножом на маленькие кусочки, пресекались слишком громкие разговоры. Особенно строго следил за порядком отец. На десерт - творог с шоколадом, мороженое, лимонный шнапс (32°). Затем детей отправили спать, полдевятого примерно. Перед водными процедурами обе бегали голышом по квартире. Младшая попрощалась со мной перед сном стихотворным "спокойной ночи" (а выходя из-за стола - аналогичное "спасибо").

— Наконец, дети утомонились, и взрослые перешли из маленькой столовой в просторную гостиную. На маленький столик у кресел были выставлены: вермут с минеральной и лимонным соком, шнапс и солёные орешки. Муж Гудрун - Детлеф (фамилия Йоханнинг у обоих) - тёмноволосый, с бородой, худощавый. Тоже сотрудник Вагнера, но приборист. Разрабатывает зонды Ленгмюра для спутников. Русским владеет слабее, чем Гудрун, и поэтому, наверное, поначалу был скован. Хорошо знает английский, много лучше меня. Поначалу Гудрун была переводчиком, а потом оказалось спиртное, и мы и так стали прекрасно понимать друг друга. От стереомузыки я отказался, только беседовали, попивая то шнапс, то вермут.

— Я высказал своё восхищение дисциплинированностью пешеходов, не без иронии, конечно.

— - Наверное, если немцу надо будет срочно вызвать по телефону пожарную машину, а телефон на той стороне улицы, то он всё равно побежит только по пешеходному переходу и только на зелёный свет.

— - Это важно для детей, чтобы взрослые соблюдали правила, - возразила мне Гудрун. - Дети же не всегда могут правильно оценить ситуацию, когда можно нарушить правила, а когда нельзя. Пусть уж лучше никогда не нарушают, а для этого важно, чтобы так себя вели взрослые.

— - С этим трудно не согласиться. Но всё же излишняя пунктуальность вредна, она сковывает творческую инициативу. Мне кажется, что только из-за этого у вас в группе так медленно движется работа по созданию своей модели. Вы все слишком боитесь нарушить правила. Работая с приближёнными методами, вы гонитесь за излишней точностью. Впрочем, это не беда. В целом же, главное моё впечатление - это немецкий порядок во всём. На улицах, в домах, в магазинах, в институте. Вон Детлеф сколько фолиантов перерыл, чтобы найти для меня точное время проявления плёнки. Мне же достаточно стандартной цифры - 8 минут.

— - Что значит - немецкий порядок? - переспросил меня Детлеф.

— - Дойче орднунг. Так это по-немецки звучит, кажется.

— - Ха, дойче орднунг! Дойче орднунг! - неожиданно темпераментно вскинулся Детлеф.

— - Бардак (он действительно употребил это русское слово) это, а не порядок, тем более немецкий. Такой же как и у вас в Москве. Вот там, за стеной, действительно немецкий порядок, дойче орднунг.

— Я не стал особо возражать, хотя заметил, что чисто внешне разница всё же заметна между ихним и нашим бардаками (пусть так).

— Гудрун рассказала анекдот: "Партийный деятель на собрании обещает, что в скором времени ГДР перегонит ФРГ в соревновании систем. Рабочий скептически замечает: - Где же нам! Вон у нас, например, какую паршивую обувь делают. Не то, что у них.

— Деятель уверенно заявляет:

— - Ничего, мы их и в такой обуви перегоним!"

— Заговорили о Калининградской области. Интересует буквально всё.

___ - Неужели не осталось ни одного немца?

___ - Ни одного. В сорок шестом году всех вывезли за 48 часов.

___ - Всех, всех?

___ - Абсолютно. Этот факт, кстати, неизвестен даже большинству моих сограждан. Мне в точности такой же вопрос часто задают жители других наших советских городов и тоже удивляются.

___ - Скажите, а зачем Советскому Союзу эта территория? Разве вашему народу не хватает места? Ведь Советский Союз и так такой большой, и для него это маленький процент площади. А для нас, немцев это весьма значительная часть территории.

___ Я пожал плечами. Вопрос риторический.

___ Заговорили о литературе. Шукшина любят как киноактёра и режиссёра ("Калина красная" очень понравилась Гудрун), но не воспринимают как писателя. Не настолько знают язык. Например, "Степана Разина" Чаплыгина читали с большим интересом, чем шукшинский "Я пришёл дать вам волю", у Чаплыгина детальнее описания примет времени, а у Шукшина их вовсе нет.

___ - Ну, для художественного произведения это вовсе не обязательно, - возражал я. "Живи и помни" читали, понравилось. "Доктора Живаго" читали, тоже понравилось, а от "Мастера и Маргариты" в восторге. Любимые немецкие писатели Стефан Цвейг и Томас Манн. Похвастался, что читал всего Томаса Манна. Но они-то русскую литературу читают и на немецком, и на русском языке.

___ Говорили ещё и о католицизме и протестантстве, религии и марксизме. Выяснилось, к моему удивлению, что Вагнер не член партии, поскольку у него жена - церковная активистка. Поэтому же он ещё и не профессор, хотя давно уже имеет докторскую степень. Но по убеждениям он правоверный сторонник нынешней власти. Мне Вагнер напоминал больше всего Распопова, а чем-то даже и Гострема. Спросил о его человеческих качествах, о его порядочности. Ребята дали ему в целом положительную оценку.

___ Проболтали мы до часу ночи, что очень поздно по немецким понятиям. На прощанье обменялись сувенирами. Гудрун и Детлеф проводили меня до автобуса, непонятно почему ехавшего, а так пришлось бы идти 8 километров пешком. Ночью было уже холодно, до нуля градусов. Домой приехал в 1.40 с очень приятным впечатлением в целом от визита.

___ **6 октября.** К 8.00 поехали с Матиасом в больницу к Юре. Забрали его и пошли на Клемент-Готвальд-штрассе (главную торговую улицу), ходили по магазинам втроём, тратили остатки марок. Затем Юра с Матиасом отправились домой (Юре нельзя много ходить), а я ещё побегал. Наблюдал демонстрацию мод под музыку прямо на улице перед универмагом. Заскочил в какую-то закусную, фарш из копчёного окорока - отличная вещь! С пивом.

Демонстрация мод на Клемент-Готвальд-штрассе

Прекрасная погода. Холодно, ясно, красочно, хрустальный воздух. Дома с Юрой подбили бабки: осталось по 15 марок на последний завтрашний день. Поели супа с пивом, доели ногу.

7 октября. С утра прощальная прогулка по Потсдаму. Слава Богу, без магазинов. Это всего второй раз лишь за всю поездку (первый раз - в Дрездене в воскресенье). После обеда Зигфрид отвёз нас в Берлин. Там празднество, факельное шествие молодёжи, все в ярких форменных куртках, у каждого отряда свой цвет, заполнили вокзал, где в каком-то кафе мы долго ждали поезда.

— Обратный путь весь проспали и ничуть не волновались, что опять везём рабочие бумаги, слайды, да к тому же ещё спиртное, колбасы и, может, ещё что недозволенное.

Конечно, поездкой мы остались очень довольны. Впечатления я описал. Ещё несколько слов об итогах наших многострадальных слоняний по магазинам. О ценах. В переводе с марок на рубли они близки к нашим. Что-то стоит дешевле (например, все детские и молодёжные товары, масло, колбасы (прекрасные), сосиски), что-то дороже (книги - по тем временам, пластинки, сигареты, телевизоры, холодильники), но в основном цены сходны.

Зарплата научных работников существенно выше, чем у нас: 230 р у неостепенённых, 400 - со степенью А (кандидатской), 570 - со степенью В (докторской).

Выбор и качество товаров и обслуживания намного выше нашего московского и не сопоставимо с провинциальным. Уровень жизни в целом заметно выше, чем у нас. В свою очередь также примерно соотносятся, по словам немцев, ФРГ и ГДР.

На деньги (обменные и командировочные за вычетом пропитого - проетого) я привёз: Сашуле всякое бельё, плащ, сапоги, сабы; Иринке - пальто, сапоги, бельё; Мите - куртку, свитер, сапоги; себе - зимние ботинки; деду - разных лезвий; спиртное, колбасы (салями), книги, игрушки Мите и всякую мелочь. Сашуле обувь, увы, не подошла. Остальное всем пришлось как раз и по вкусу. Здесь у нас так отовариться за те же деньги, разумеется, невозможно.

—Поработали мы добросовестно. Для себя особой пользы не извлекли, а немцам честно отплатили за приглашение и гостеприимство, фактически внедрив у них свои программы, которые разрабатывали сами не один год.

([*продолжение следует*](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)